

Галина Болтрамун

Литературные пародии

Галина Болтрамун

Литературные пародии

«Издательские решения»

Болтрамун Г.

Литературные пародии / Г. Болтрамун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962082-8

Сборник пародий на стихи современных поэтов. Комические подражания близко соотносятся с текстом пародируемых авторов. Юмор, сатира, шуточные пересказы.

ISBN 978-5-44-962082-8

© Болтрамун Г.
© Издательские решения

Содержание

Иосиф Бродский	6
Пародия	7
Иосиф Бродский	8
Пародия	9
Ольга Корцова	10
Пародия	11
Лев Лосев	12
Новый Задека	12
Пародия	13
Задека отдыхает	13
Ася Сапир	14
Пародия	15
Ольга Фокина	16
Пародия	17
Дмитрий Быков	18
Пародия	19
Дмитрий Быков	20
Пародия	21
Бахыт Кенжеев	22
Пародия	23
Владимир Гутковский	24
Пародия	25
Элла Крылова	26
Пародия	27
Линор Горалик	28
Пародия	29
Александр Кушнер	30
Пародия	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Литературные пародии

Галина Болтрамун

© Галина Болтрамун, 2019

ISBN 978-5-4496-2082-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иосиф Бродский

* * *

Сравни с собой или примерь на глаз
любовь и страсть и – через боль – истому.
Так астронавт, пока летит на Марс,
захочет ближе оказаться к дому.
Но ласка та, что далека от рук,
стреляет в мозг, когда от верст опешишь,
проворней уст: ведь небосвод разлук
несокрушимей потолков убежищ.

Пародия

* * *

Если, плюсы в себе исчисляя на глаз,
мало видишь, – тому не глаукома
виной и не то, что за разом – не раз;
просто оказывается: не все дома.
Но жесты те, что отбились от рук,
так стреляют в мозг – убегая, опешишь;
коли крыша тебе присудила каюк,
он несокрушимей потолков убежищ.

Иосиф Бродский

* * *

Заморозки на почве и облысение леса,
небо серое цвета кровельного железа.
Выходя во двор нечётного октября,
ежась, число округляешь до «ох ты бя».
Ты не птица, чтоб улетать отсюда.
Потому что как в поисках милой всю-то
ты проехал вселенную, дальше вроде
нет страницы податься в живой природе.
Зазимуем же тут, с чёрной обложкой рядом,
проницаемой стужей снаружи, отсюда – взглядом,
за бугром в чистом поле на штабель слов
пером кириллицы наколов.

Пародия

* * *

Ежишься на ветру, как лысый еж под феном;
небо цвета железа – тот еще бляха-феррум.
Замороженным вкладам выгодна четность нуля,
а нечетный октябрь как сморозит – ну ох ты бля.
Ты не щегол, но, везде огребя фунт лиха,
выезжал на кривой – заправиться у щеголихи;
ее не прельстив на всемирно-цыганском аккорде,
ехал назад куковать на своей природе.
Зазимуюем тут же, под черновой обложкой,
а кому-то не тут-то было – рожки на ножки;
значит, в ритме там-тама сварганим альков,
наломав кириллицей неотапительных дров.

Ольга Корзова

* * *

Всё пошло, как водится, с молотка.
Что не надо – отдано просто так.
И остались реки да облака,
да за дальней далью – Иван-дурак.

Шлёт ко мне он весточки каждый день,
только этих весточек нет грустней.
Смски щёлкают – трень да брень,
да не пишет он, как живётся с ней.

И пустынна утром моя изба,
и лежат – не тают весною льды.
Если мне Иванушка не судьба,
может, вовсе нет у меня судьбы?

Пародия

* * *

Я намедни устроила аукцион,
но для стука не было молотка —
потому развеселённый мой лохотрон
не привлек Иванушку-дурака.

Ему бы – трень-брень да бах и бабах.
Он вдали фаворит промежду Цирцей,
мне же в оседлость мою на бобах
шлет смайлики из социальных сетей.

Дурака не валяю, люблю подержать
его посреди всесторонней избы.
Ну а если и Ваньку еще не валять,
значит, вовсе нет у меня судьбы.

Лев Лосев

Новый Задека

«Бойся снов на среду и на пятницу», —
так меня учил приятель мой,
и всегда я вспоминаю пьяницу,
если сон особенно дурной.

Толкователь снов М. М. Красильников,
как же мне не вспомнить о тебе,
убегая от убийц, насильников,
от агентов Г, простите, Б.

В аэропорт дороги заблочены,
потерялся паспорт и билет,
из подвала двери заколочены,
в проходном дворе прохода нет.

Или нынче – с бабами-торговками
в медленно ползущем куда
поезде, со скрипом, с остановками.
Просыпаюсь. Вроде бы среда.

Пародия

Задека отдыхает

«Бойся снов на среду и на пятницу,
ужасайся, голову клоня», —
говорил мне на досуге пьяница
и сделал боязливец из меня.

Нагнетатель снов Ч. П. Морфейников
тоже не замешкался сказать,
чтобы я сидел, как мышь под веником,
отправляясь ночью почивать.

И мне снится страшно интересное:
аэропорт отъехал от винта,
беспилотник – с недостюардессами,
мой близнец – казанский сирота.

Я сбежал и в *дьюти-фри* с торговками
так продавал, что ерзала кровать;
в дамках, мыл бюджет за распиловками
и не хотел из той среды вставать.

Ася Сапир

* * *

Тяжесть зрелой мысли – тяжесть плода,
что живёт по внутренним законам.
Вещь-в-себе, со степенью свободы,
безграничной и определённой.

Мысль и плод от века своекошты,
но судьба их может стать расхожей:
плод зависнет бесполезной ношей,
мысль замрёт, в бездействии скукожась.

Вот тогда-то тяжесть станет в тягость,
мысль и плод свою утратят вещность,
хоть созрели в плодоносный август,
где успех природою обещан.

Яблоня с ненужными плодами
ветви клонит во дворе соседнем.
И под снег уйдёт, твердя упрямо,
что надежда – не пустые бредни.

Пародия

* * *

Тяжесть зрелой мысли ждет приплода,
чтобы статья тяжестью с довеском;
а вещь-в-себе в гробу видала роды,
не успев закрыться занавеской.

Мысль и плод от века своекошты,
поквартально – в сумме стопроцентны,
вот только пропадают ни за грош и
колбасятся и врут, что ни за центы.

А если тяжесть тягость перевесит,
что в иды приключается в июле,
то плод на ветке будет не повесой,
а висельником с контурами дули.

Поэтки нынче не вещают бредни,
как Ева подле яблони той давней;
дарит им зеленый змий из бренди
пробковый ядреный плод познаний.

Ольга Фокина

* * *

Большая Родина без малой
Не то что слишком велика,
А как бы дом родной – без мамы,
Без дела – мамина рука, —
Непредставима, неконкретна,
Не столь заботлива, тепла...
Ах, малой родины примета —
Четыре жерди, два кола,
Над ними – рдяная рябина!
За ними – тропка до крыльца, —
Да, это ты, мой край родимый,
Край дедов, мамы и отца.
Отчизна, Родина, опора,
Моё спасенье в час лихой,
И во спасение которой
На смертный бой готов любой.

Пародия

* * *

Большая Родина без малой
Имеет лишь один размер,
А лучше двум держаться парой —
Так скажет каждый землемер.
В отчизне малой руки мамы
Сто раз считают три кола,
Желая счислить пентаграмму,
Что, ах, судьбина не дала.
Там фермы ряжены под фирмы
И не всамделишный делец,
И всюду он – почти любимый,
Давно обкатанный трындец.
Отчизна – Родине подпора,
Но и подсживать порой
Друг друга любят. Я помёрла б
В бою за обе, по одной.
И вот пишу с калибром пёрлы,
Чтоб не сражаться вразнойбой.

Дмитрий Быков

* * *

Собачники утром выводят собак
При всякой погоде и власти,
В уме компенсируя холод и мрак
Своей принадлежностью к касте.

Соседский татарин, и старый еврей,
И толстая школьница Оля
В сообществе тайном детей и зверей
Своих узнают без пароля.

Мне долг ненавистен. Но это инстинкт,
Подобный потребности псиной
Прислушаться, если хозяин свистит,
И ногу задрать под осиной.

Вот так и скользишь по своей колее,
Примазавшись к живности всякой:
Шарманщик с макакой, факир при змее,
А русский писатель – с собакой.

И связаны мы на родных мостовых,
При бледном с утра небосводе,
Заменю счастья – стремленьем живых
К взаимной своей несвободе.

Пародия

* * *

Собачники с помпой выводят собак,
Ведь съели на этом собаку;
Каждый друг другу – по касте свояк,
Сукин сын – по иному порядку.

Вон еврей и татарин стоят враскоряк,
Сопя, потирают мозоли,
Худыми руками навешав собак
На толстую школьницу Олю.

Мне долг ненавистен. Используя свист,
Я с ним дерзновенно собачусь
И в должных местах говорю как славист,
Торжественно: «Выкуси, накось».

Насобачившись, шествуешь по колее,
Присобачившись к живности всякой,
А из генов бычится, подобно змее,
То, что было когда-то макакой.

Ну а в люди писатели прутся, что танк,
Козыря на шляпе мигалкой;
Уж их на родных мостовых – как собак,
Всяк борзой – по размеру медальки.

Дмитрий Быков

* * *

Мне страшно жить и страшно умереть.
И там, и здесь отпугивает бездна.
Однако эта утварь, эта снедь
Душе моей по-прежнему любезна.

Любезен вид на свалку из окон
И разговор, где все насквозь знакомо, —
затем, что жизнь сама себе закон,
А в смерти нет и этого закона.

Еще надежда теплится в дому
И к телу льнет последняя рубашка.
Молись за тех, Офелия, кому
Не страшно жить и умирать не тяжко.

Пародия

* * *

Говорится: живы будем – не помрем;
По умолчанию: помрем – не будем живы.
В бездне создан там и сям поддон,
Где мне стоят с камсой аперитивы.

Но мне любезней свалка вдоль окон.
Я вижу: чтоб не быть как приживальщик,
Там пишет жизнь на баках свой закон;
А смерть его положит в долгий ящик.

Уж надоел базар про датский слив
Офелии; ведь не ее рубашка
Мне ближе к телу, а помпезный лиф —
Ах, у самовара я и моя Машка.

Бахыт Кенжеев

* * *

Ну и что с того, что дышать отвык,
что чужим останусь в родной стране?
Посмотри, как корчится черновик,
польхая в черном, в ночном огне.

То ли буквы – искрами в высоту?
То ли стенам тесно от сонных звезд?
Ах, не все-то масленица коту,
настает ему и великий пост,

настает расплата за светлый грех —
усмехнись в ответ и смолчать сумей.
Может, в жизни главное – трепет век,
перелет зрачка, разворот бровей.

И за эту плоть, за тепло, за смерть
расплатиться буйною головой,
чтобы много пить, чтобы мало петь,
захлебнувшись радугой кочевой...

Пародия

* * *

Коль каждый бы лично хлебать отвык,
больше стало б в наличьи *два о* и *аш*,
а если бы он же спалил черновик,
не колосось бы взятое на карандаш.

То ли буквы – пшиками в высоту,
то ли сами пшики в обличье звезд?
Так уходит всё роковому коту
как по маслицу под великий хвост!

Некто сказал: есть светлейший грех;
скажи «лучезарный» и будь умней.
За лбом тем извилины – скосами вверх;
у тебя – крутой разворот бровей.

Голова и тело – не пара вдвоем;
ей бы, выпив, живот положить и ржать;
ему бы, главенствуя в чакрах пупом,
буку-голову на отсечение дать.

Владимир Гутковский

* * *

Чтой-то нынче я какой-то неловкий.
Об этом ещё с утра намекнула бритва.
Взявши стило – сразу проблемы с рифмовкой.
А хуже всего – пропавшее чувство ритма.

Порез, положим, заклею, замажу как-то.
С прочим – такой, увы, не проходит способ.
На рифму плевать. Но без ощущения такта
невыносимо. Он – как слепому посох.

Конечно, можно рукой махнуть – Ну, и ладно!
А вдруг так попадёшь – не покажется мало.
Скажем, к примеру, о чистой любви брякну.
Оглянусь – а вокруг только дамы и неформалы.

И пропадёт слово мое втуне.
И не узнаю – творил я чего ради.
И с лика Земли меня, как пылинку, сдует,
И небеса злорадно разверзнут хляби...

Пародия

* * *

Чтой-то нынче опять мои взятки не гладки,
Взял бритву не так и не там побрился,
А как стал водить стило по тетрадке,
То, ладно бы с панталыку, – с понтов сбился.

Что зря побрито, положим, заклею как-то;
Остальную гармонию алгеброй надо поверить,
Но каждый раз через раз выбиваюсь из такта —
Плону пять раз и все принимаю на веру.

Рукой не махну, а расставлю веером пальцы —
Так добавляется мне капитальной харизмы.
Я научился безадресно, чисто влюбляться,
А дамы в свой адрес хотят моего организма.

И слово мое пропадет из ликбеза.
И чего я его культивировал ради?
Буква зю по-олбански на суффикс залезла.
А я-то под зет её чинно пригладил!..

Элла Крылова

Брусника

Терпкую ем с сахаром бруснику,
вспоминаю Север, Мончегорск,
словно перелистываю книгу:
озеро, тайга, село, погост.

Лосю памятник – о, вот отрада! —
нищая квартирка на краю
города, сперва тюрьма детсада,
после школа – я её люблю.

Я люблю каток, бассейн, балетной
студии сверкающий паркет.
К озеру иду тропой заветной,
и в руках – лесных цветов букет.

О, лесной свободы вкус брусничный!
Он сейчас со мною, взаперти,
в несвободе суетной столичной,
но тропинку в детство не найти.

Вот оно пришло воспоминаньем —
терпкою брусникой на столе.
Осветил мне северным сияньем
Бог мой путь нелёгкий по Земле...

Пародия

Брусничная квинтэссенция

Сижу себе, жую себе бруснику.
В Пекине лажа, в дельте опорос,
Мончегорский дух лукавый сникнул —
всё чует мой, двоя зарубки, нос.

Мне тамбовский волк являлся братом,
когда мотала в садике я срок;
а после школа, уж иным макарон,
преподала пожизненный урок.

Люблю балет, НИИ, ашрамы йоги,
и орган власти, и его статут,
но не туда меня на шпильках ноги
в отрыве от сознания несут.

Вспоминая благий спас брусничный
и под сердцем ягод чашек семь,
зуб точку на плевый джем столичный,
но потом его, нет спасу, съем.

Когда набрус... наклюкваюсь, впустую
ловлю Пегаса. Схлынет передоз —
на своего конька сажусь, гарцую
на Север, где святится Дед Мороз.

Линор Горалик

* * *

– Где была твоя голова?
– Склонялась к бегству, трещала о новостях,
пухла за Охтой, болела за ЦСКА,
выдавалась пленными за своего.

– Где были твои глаза?
– В Твери на затылке, в Москве на лбу;
косили камни, ели чужих,
ходили по воду в военкомат.

– О, глупые твои глаза!
Ах, завидушая твоя голова!
Зачем ты, чёрная твоя рука,
огниво служивому отдала?

У нас глаза – как мельничные жернова,
у нас голова трещит от ума, —
а мы несём во рту медяки,
куда нас родина высекла.

Пародия

* * *

– Где была твоя голова, когда рука писала?
– Болела за ЦСКА, здорововала за ЦРУ,
за Охтой просила гильотину
оттяпать головотяпство; вышло тяп-ляп.

– Как твои глаза, когда водишь пером?
– Утром – очи колет, вечером – вырви глаз;
они ходили в военкомат призываться на войну,
но никто не хочет такое око за око.

– Твои глупые глаза преломляют вещи
и по-черному завидуют руке,
не вытворяющей половинчатость
на предметах своего самообслуживанья.

У нас не хватает очей для очевидности,
наше умозрение ни в одном глазу —
и рот мелет невидаль, эквивалентную медякам.
Сей карме молчание-золото не по карману.

Александр Кушнер

* * *

Ах, что за ночь, что за снег, что за ночь, что за снег!
Кто научил его падать торжественно так?
Город и все его двадцать дымящихся рек
Бег замедляют и вдруг переходят на шаг.

Диск телефона не стану крутить – все равно
Спишь в этот час, отключив до утра аппарат.
Ах, как бело, как черно, как бело, как черно!
Царственно-важный, парадный, большой снегопад.

Каждый шишак на ограде в объеме растет,
Каждый сучок располнел от общественных сумм.
Нас не затопит, но, видимо, нас заметет:
Все Геркуланум с Помпеей приходят на ум.

В детстве лишь, помнится, были такие снега,
Скоро останется колышек шпилья от нас,
Чтобы Мюнхгаузен, едущий издалека,
К острому шпилью коня привязал еще раз.

Пародия

* * *

Ну и ночь! Сорок раз выхваляю торжественный снег!
Праздно реет Пегас, удлинив мое место на нем.
А галоп двадцати по делам отправлявшихся рек
Скопытился, ибо достиг своего «поделом».

На телефоне висел я сто двадцать минут,
Допетрил, что ты практикуешь бай-бай по ночам.
Так важный, как я, в снегопаде завис парашют

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.